

БИБЛИОТЕКА
8-й СТРАНИЦЫ

СЕМЬ ПОРТРЕТОВ

ПЕРЕД нами — вещь оригинального жанра. Это не просто набор воспоминаний о значительных людях, встреченных автором в жизни. Скорее, это произведение художественной прозы, написанное по поводу и во славу этих людей. Семь глав, семь портретов (К. С. Станиславский, В. И. Немирович-Данченко, И. М. Москвин, О. Л. Книппер-Чехова, В. И. Качалов, М. А. Булгаков, А. А. Ахматова) образуют художественное целое. Они пронизаны общим ритмом, единой интонацией, каждая глава перекликается с остальными, находит в них отражение и отзвук. А самое главное — книга освещена вдумчивым, любящим и проницательным взглядом автора, его раздумьями и обобщениями. Недаром она названа «Воспоминания с комментариями» — в разговор о прошлом живой струей влияют сегодняшние мысли автора о происшедшем и происходящем.

Отсюда особая интонация повествования. В главе, посвященной Ахматовой, он пишет: «Хочется вспомнить эти беседы и рассказать о них хотя бы отрывочно, хотя бы с той невольной неполнотой, которая объясняется ограниченностью памяти, и с тем необходимым отбором, к которому обязывает когда-то оказанное тебе доверие».

В. Я. Виленин. «Воспоминания с комментариями». Издательство «Искусство», М. 1982.

Вся литературная и научная деятельность В. Я. Виленина связана с Московским Художественным театром. Судьба с ранней юности поставила его в непосредственную близость с прославленными мастерами МХАТа; работая в литературной части театра, он имел возможность наблюдать его жизнь с близкого расстояния.

Короткая глава о К. С. Станиславском служит как бы заставкой книги. Она сразу же вводит нас в тот серьезный и вместе с тем праздничный мир театра, который пленял автора на всю жизнь.

В художественно-психологическом плане, пожалуй, всего примечательнее глава о В. И. Немировиче-Данченко. Автору удалось создать образ Владимира Ивановича во всем его своеобразие. Человек на редкость талантливый и горячий, но на удивление одинокий, он выписан с какой-то пронзительной проникновенностью, вызывающей и симпатию, и уважение, и боль...

В последующих трех главах — о И. М. Москвине, О. Л. Книппер-Чеховой и В. И. Качалове — мы узнаем многое о прославленных «стариках» МХАТа, и не только о них: отчетливо слышен и здесь голос автора, глубоко равнодушного к театральному искусству и его судьбам, болезненно воспринимającego любую его профанацию, любые штампы и

наигрыши. Всей своей направленностью книга противостоит мелкому правдоподобию на сцене. Она — за великое, потрясающее, монументальное искусство, за искусство не обедненное, щедро пользующееся всем арсеналом средств — пафосом, гротеском, гиперболой; за полную (иной раз разрушительную) самоотдачу актера. О примерах именно такого искусства рассказывает В. Я. Виленин. Мы как бы воочию видим и неровного, бурно вспыхивающего И. М. Москвина с его потрясающим сценическим темпераментом, и пленительно-изысканную О. Л. Книппер-Чехову с ее «серебристой седью при молодом, порой озорном блеске глаз», большую артистку, не до конца проявившую себя на сцене (ей не пришлось сыграть многих ролей, о которых она мечтала), и бесконечно обаятельного, на сцене и вне сцены, великого В. И. Качалова, личным секретарем которого Виленин был в течение ряда лет.

Рассказ о «стариках» МХАТа естественно переходит в воспоминания о М. А. Булгакове. По своей напряженности эта глава книги сама по себе могла бы стать сюжетом пьесы.

Завершает книгу глава об Анне Ахматовой. За последние годы мы познакомились с рядом воспоминаний о ней, создающих в своей совокупности величественный, несколько торжественный об-

лик поэта. В книге Виленина Ахматова видится несколько иной — она живее, доступнее, проще, менее «вооружена речениями». Характерно по этому поводу высказывание самого автора: «На бумаге воспоминания о любом человеке — это всегда все-таки некая искусственная штриховка его облика, а главное, невольная концентрация его высказываний. Вот и я, перечитывая написанное, боюсь, как бы Ахматова не стала на этих страницах речистой, с готовыми к случаю рассказами... А ведь она была молчаливой».

Именно такая, немного словная, Ахматова живо возникает на страницах книги. Автор наряду с величественностью облика отмечает ее, как ни странно, неуверенность в себе, готовность прислушаться к критическим замечаниям, ответить на них: «Подумаю»... Пронзительен рассказ о неуютной жизни Ахматовой, о ее бездомности... Но, при всей его жизненной достоверности, образ Ахматовой не становится заземленным: она во всем остается поэтом.

Несколько слов о литературном стиле книги. Она написана ярко, образно, непринужденно, прекрасным языком. Так, автор заставляет нас вместе с собой «...видеть Станиславского, смотрящего спектакль в Художественном театре; видеть, как сходились эти густые дуги напряженных бровей,

как вдруг прирастал ко рту кулак, как от какой-нибудь неожиданности» вдруг откидывалась назад эта парившая над всем партером белая голова». А вот о Москвине: «И какое же у него было неактерское лицо, некрасивое, почти квадратное, с какой-то бульдожьей тяжестью подбородка, лица, как будто не очень сочетавшееся с «профессорским» пенсне, а приглядишься или иной раз поймашь на себе его взгляд, и тебе уже кажется, что пенсне ему очень даже идет». Какая живая, разговорная интонация и как она оживляет образ! Или — о том же Москвине в роли Хлынова: «Эта не знавшая удержу и меры игра разворачивалась в выходках и причудах, пеной вырывающихся из-под спуда праздных и бессмысленных сил, которым не было иного приложения. Какая-то невидимая могучая волна, казалось, несла эту обаятельную шутовскую фигуру в дурацких светленьких брючках и зеленом жилете, из-под которого топырился голубой бант шикарного галстука».

Таких выразительнейших «словесных фотографий» рассыпано по страницам книги множество. Чуждая «ученых» театроведческих штампов, легкая, раскованная и вместе сдержанная манера заворачивает, не дает оторваться от книги до самого конца.

Заключая ее с сожалением. Хочется еще и еще раз встретиться с автором, узнать о более широком круге людей, воспоминания о которых, несомненно, таятся в «подводной части айсберга».

И. ГРЕКОВА